

Ольга ВОЛКОВА: Я бедность не люблю, а нищета — это нормально

Когда-то Рязанов назвал ее «Смоктуневским в юбке». Именно благодаря его фильмам («Вокзал для двоих», «Жестокий романс», «Забывшая мелодия для флейты», «Небеса обетованные») ее узнала вся страна, хотя до этого уже была Лотта из «Летучей мыши», 10 лет на сцене ленинградского ТЮЗа, 5 лет в Театре комедии и 23 три года в БДТ. Уже семь лет Ольга Волкова работает в Москве. Но в репертуарном театре не служит. Сейчас ее можно увидеть в трех спектаклях: «Слухи», «Дура, это любовь!» и премьере «Париж спросонья». А еще Ольга Волкова блестяще исполняет роли сумасшедшей матери, заботливой бабушки и прекрасной дамы, не изменив своему неунывающему, ироничному нраву.

■ Марина ЗЕЛЬЦЕР

— Ольга Владимировна, знаю, что вы всегда хотели работать в Москве.

— Я мечтала о Москве. Мечтала очень давно, но не как о городе, удобном для жития, более сытом. Москва меня интересовала диапазоном и возможностями выбора театра, потому что у меня довольно сложный актерский психофизический тип: при травестийной внешности я была гротесковой, характерной и лирико-драматической актрисой, а для этого нужно было иметь длинные ноги, красивый и нежный голос. Хотя мне казалось, что мне все по плечу. И вот я начала брать Москву, еще работая в ТЮЗе и брала ее тридцать лет. Каждый раз это заканчивалось фиаско. Меня приглашали, и я сама предлагала свои услуги. Но как только дело доходило до практического решения вопроса, оно непонятно почему, странным образом, фатально разваливалось. Наверное, судьбе было так угодно, чтобы я выждала срок. И я говорю: «Дама-муза бывает несправедлива, но за терпение всегда воздаст». У меня было то ли шестнадцать, то ли семнадцать вариантов переговоров с режиссерами, которые лопались пузырями.

— Вы не выясняли, в чем дело?
— Никогда. Мне это было неинтересно. Но я приходила в отчаяние. Представьте, вас приглашают на работу со словами: «Вы мне нужны позарез. Я жду вас для заключения договора». Вы приезжаете, потратив день на дорогу, а человек краснеет и говорит: «Директор уехал, я не могу заключить договор». Я приезжала домой, говорила: «Никогда в жизни». Плевала в сторону Москвы. Но проходило какое-то время, и я опять искала варианты. То есть «в Москву, в Москву, в Москву» — было настоящей болезнью. Наконец в 96-м году Леонид Трушкин, который тогда создал первый частный театр в Москве, протянул мне руку помощи, предложил роль, потом сразу вторую. И в 58 лет я совершила прыжок в Москву, перетаскив сюда всех, вплоть до кошки. Я прыгнула в воздух, потому что подо мной не было никого и ничего, что бы мне помогало. А в Москву нужно приезжать с деньгами, как в эмиграцию. Я приехала без единой копейки, лишь сдав квартиру в Питере. На разницу сняла квартиру подешевле и смогла жить. И, наконец, благодаря Лужкову, мне позволили приобрести эту квартиру по госцене, продав ту. Это дешевенький блочный дом на окраине МКАД, но я счастлива и Москвой, и тем, что я здесь живу.

кий педагог, как Корогодский, который знал меня наизусть, говорил: «Я тебя домаю и даю эту роль», на что я отвечала: «Нет, нет, я не сыграю, это не мое». А он утверждал: «Ты будешь плохо играть, но будешь». Речь шла о Венере Милосской. И я просто рыдала. Но он как режиссер-педагог знал, что мне нужно что-то поломать в себе и продвигнуться в другое качество.

— А кино право на выбор вам давало?

— От того, что я очень поздно начала сниматься, я пропустила свои роли в кино. В молодости я могла бы делать очень озорные и пикантные вещи, например, то, что замечательно делала в «Девчатах» Надежда Румянцева. Все прошло мимо. Я начала сниматься в 45 лет в микроскопических эпизодах. Но я все равно благодарна судьбе, потому что каждый раз думаешь, что это последнее, и понимаешь, сколько потрясающих актеров вообще не снимается. Однажды, это было давно, мне предложили попробовать на роль мальчика. А я была идеальной травести — играла в трусах и в майке, и ни у кого из мальчишек не возникало сомнения в том, что я не девочка, а у меня уже ребенку было шесть лет. Я была худой, угловатой, с мальчишеской фигурой. И когда мне предложили роль мальчика в кино, я поняла, что, наверное, попаду, докажу. Когда я узнала, что это шут в «Короле Лире», то я сделала то, чего не делаю никогда, — я заплакала. Я даже пробилась к Григорию Козинцеву. Сделали потрясающую пробу. Все было замечательно. Но и это, к сожалению, не состоялось. Мотивировка отказа была такой: женственная правая часть верхней губы. Помню, что когда-то, еще девочкой — а у меня уже было театральное имя, — знаменитый режиссер снимал фильм по Чехову. И искал нестандартную Нину Заречную. Моих фотографий на «Мосфильме» не было, видимо, обо мне просто что-то слышали. Как всегда, на случайном поезде, приехала в полшестого утра. В девять была уже на «Мосфильме», когда еще были закрыты все двери. И сразу попала в руки заспанной ассистентки режиссера. А попасть к ним — кратчайший путь к убийству актерского желания и возможности сняться. И вот, помню, как она сажает меня на стул (а у меня с молодости лицо несколько затекало и глаза немного припухали) и говорит: «Сделайте большие лучистые глаза». И я, физически оттянув вниз свою тяжелую, предельно острую челюсть, распахнула глаза, как могла. Лучей там, конечно, не было, потому что, пока я тянула вниз веки и поднимала вверх брови, глаза просто вывалились из орбит. Кстати, эту фотографию я принесла Козинцеву, сказав: «Вот что такое фотопробы и что могло бы быть, если бы я не поговорила с вами. Вот это Нина Заречная». Он хохотал до слез.

Сейчас я отказываюсь от кино, потому что это невозможно играть. Например, мне принесли кусок из сценария сериала. Самая смешная сцена: у мужчины ломается молния на ширинке, она застряла посередине. И он, опаздывая, приходит к соседям, и каждый, пытаясь помочь, встает перед ним на колени, а входящий думает про это плохо. Я должна была играть бабушку и делать то же самое. Вот это считается юмором. Или мне предлагают играть бабушку-дворянку, которая привлекает к себе молодых творческих людей, опекает их, сама влюбляется, а потом устраивает стриптиз. Масса таких беспредельных вариантов с точки зрения вкуса и здравого смысла.

— Вы сильный человек?

— Сильный, ведь я выжила. Доверчивость к театру потеряла, а к людям — нет. Но, несмотря на то, что «чем шире открываешь объятия, тем легче тебя распахнуть», я предпочитаю быть распахнутой еще раз...

СЕГОДНЯ ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛКОВА ОТМЕЧАЕТ 60-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

Кстати, в моих набегах на Москву был и Олег Николаевич Ефремов, который, пообещав меня взять, принял во МХАТ. Это было, по-моему, в 1992 году. Но тогда, чтобы получить штамп о том, что принята на работу, нужно было иметь штамп о прописке. А прописана я не могла быть, не имея квартиры. Так что это состояться тоже не могло. А года за три до смерти Олег Николаевич опять меня звал во МХАТ, уже в Художественный проезд. Но я уже играла в антрепризе, боялась оторваться, утонуть в огромной труппе с теми же проблемами...

— Вы еще в юности начали работать в театре.

— Я начала работать, еще не поступив в театральный институт. Меня не приняли в первый год, и я в 16 лет пошла в миманс Малого оперного театра, где проработала год. Это было и первой школой, и первым ощущением настоящего театра с его запахом, который, как я узнала, зависит от какой-то особой проклейки тканей. Этот кисловатый, сумасшедший запах остался сейчас только в оперных театрах. Там я узнала, что нет ничего тяжелее, чем балетный труд. Смотреть на ноги балетных в душе, куда я бегала мыться после спектакля, — страшное дело. Когда солистки снимают тапочки, они наполнены кровью в буквальном смысле. У балетных есть понятие: «Если не вбил в ноги, результата не будет». Я мечтала стать балериной. Но меня не приняли в балетную школу из-за данных. Тем не менее я два года занималась хореографией во Дворце пионеров. Позже я без этого уже не могла жить. Я умела двигаться, умела петь, умела играть на шести инструментах, могла кувыркаться, стойки на голове делать, ходить на руках, делать фляк, но это не пригодилось нигде. Даже в таком синте-

тическом театре, как ТЮЗ, у меня таких ролей не было. Эти роли, как это часто бывает в театре, доставались «безслухим», плохо двигающимся. Нужен был типаж. И они, бедные, мучались. И наконец я свои страсти утолила в Москве. В первый же сезон упрясалась и упелась с молодым в «Игрушечном побеге» у Трушкина. Я занималась голосовой разминкой, голосовым дыханием, держала себя в форме. А можно плюнуть, мол, никто не заметит. Но когда-то придет срок, все станет заметно: сдас позвончик, а актерская старость даже в молодости видна по позвончику, по вялости, отсутствию энергии, которая не раскачана, не разбужена. Эта человеческая лень, переходящая в профессиональную, порочна. Последние свои университеты я прошла с Полунным. От общения со Славой я тоже очень много получила. Он гениальный актер, педагог. Так что я еще продолжаю доучиваться.

— Вы 23 года проработали в БДТ, куда вас пригласил сам Товстоногов. Наверное, это было невероятной удачей?

— Товстоногов был грандиозного таланта человек. Это был взрыв. В нем было немислимое мужское обаяние. Но там была труппа в 80 человек. Из них 20 — народные артисты, которые хотели играть. В театрах существует понятие творческой дисциплины. Ты встаешь в ряд и не можешь ничего требовать. Либо приходит режиссер, он тебя видит, он в тебя влюбляется (и то он не может заниматься только тобой), либо ты сидишь и ждешь свою очередь. Отказ от роли в драматическом театре раньше был подсушен, вплоть до обсуждения прессой. А у актера должно быть право на выбор. Другое дело, что актер может и ошибаться. Например, такой вели-